

Мои воспоминания о блокаде*

А. Ф. Серов

В начале зимы подшил ее валенки куском от транспортной ленты и теперь думал, что из-за этого они стали скользкими. Оторванную ею доску я должен был убрать из-под ее ног, но не успел (или не смог).

За период болезни матери съели все, что имело смысл варить и жевать: обойный и столярный клей, кожаные ремни, шкуру, кости, какие-то орешки, покрытые ватой, от которых нас сильно тошнило. Полмешка этих орешков мать выменяла на какую-то вещь, когда ходила в город.

Работоспособность организма, видимо, была на исходе, так как стали страдать от запоров. Запор считался менее опасней поноса, но было мучительно и больно при исполнении потребности. При особо тяжелых случаях мать выковыривала у нас кал, хотя выходило его с козью «горошину». Сама же мать мучилась до изнеможения, но помочь себе не позволяла. От этих запоров задние проходы были в трещинах, из которых постоянно сочилась кровь.

В дни обсуждения судьбы Джульбарса мать из-за болезни совсем ослабела и опухла. Я лежал дистрофиком в постели. Свободно просовывал пальцы рук во внутрь тазобедренных суставов, не ощущая боли. Казалось, что ноги в коленках разделились. Все это меня удивляло. Каким был внешне, не знаю, а сестра походила на человекоподобное существо, но держалась на ногах и продолжала ходить в магазин для отоваривания карточек, если что-то выдавали.

Джульбарс в последние дни своей жизни не отходил от моей кровати. Положит голову на мою подушку рядом с моей головой, смотрит мне в глаза и плачет. Казалось, просил у меня защиты или прощался. После моего согласия на его убийство стал проявлять бес-

покойство. Временами порывался прятаться под кровать: ляжет на пол и ползет под нее, а сам смотрит на меня и скулит. Слезы струйкой текли из глаз. Только скроется его голова под кроватью, сразу же обратно пятится задом. Так по нескольку раз подряд. Потом опять клал свою голову рядом с моею и тихо-тихо поскуливал. Создавалось впечатление, что он просит спрятать его под кроватью. Наблюдавшая это мать дня два не решалась пойти к соседу, предлагавшему свою услугу за часть «туши» моего друга.

Когда сосед вошел в прихожую, Джульбарс заскулил громче, хотя не видел его. Несколько раз пробовал заползти под кровать, потом все-таки спрятался. Когда сосед вошел в комнату, но еще ничего не сказал, Джульбарс, тихо подвывая, пополз к нему. Соседу не потребовалось брать его за ошейник: он сам пошел за ним, посмотрев на меня и, как мне показалось, качнул головой. Так же спокойно он принял свою смерть, о чем сказал сосед, выражая удивление: «Даже курица сопротивляется». Пожертвовав собою, Джульбарс спас нас троих (сосед вскоре умер от голода. Его нашли в гробу, который он делал кому-то по заказу).

С тех пор я убежден, что животные, особенно собаки, не только понимают нас, но и имеют способность к анализу и самопожертвованию.

Джульбарса съели без отбросов. Благодаря ему мать немного оправилась, а я стал садиться в кровати. Видимо, организм человека обладает большой жизнеспособностью, если ему достаточно в критический момент очень маленькой поддержки, чтобы мобилизовались остатки сил для сопротивления смерти. Но я тогда не испытывал радости. К тому же мне было досадно, что не мог ходить, а так хотелось отнести Гале кусочек от своей доли. Я не знал, что ее уже не было в живых.

Нашему спасению помогла и случайность.

При поиске дров (к тому времени сожгли в комнате все) мать обнаружила в сарае дощечки, вмерзшие в ледяную глыбу. Отодрав несколько дощечек, хотела очистить их от льда, но не смогла, поэтому принесла в комнату обледенелыми. Через некоторое время в комнате возник запах квашеной капусты. «Исследования» выявили, что дощечки – от бочки, в которой была капуста, а лед – замерзший рассол, очевидно, с водой. Каково соотношение рассола и воды было в нем, неизвестно, но мы решили использовать его для еды.

Вскоре мы почувствовали огромную пользу «льда»: у матери значительно уменьшилась отечность живота и ног; я стал вставать, хотя ноги были слабыми; прибавилось сил у сестры; у всех резко ослаб запор, что нас очень обрадовало.

Матери показалось, что она окрепла настолько, что может возобновить походы в город для поиска работы. Уходила она рано, приходила поздно, выбившись из сил и голодная. Мы помогли ей раздеться и поили теплым рассолом.

Новые походы увенчались успехом. В ноябре (декабре) ее приняла на хлебозавод, однако высказали сомнение о ее способности ходить на работу (километров семь-восемь) и работать.

К тому времени выдавали хлеба по 125 граммов на детскую и иждивенческую карточку.

По случаю приема матери на работу мечтам не было предела. Она решила, что, работая на хлебозаводе, будет сыта, а ее рабочая карточка останется нам. Но оказалось, что за обед, выдаваемый рабочим, из карточки вырезают талоны, а ее работа не связана с хлебом, хотя и работала в тестозаготовительном цехе. Тестом тогда там называли «кашицу» из размоченного в чане картона, который составлял основную часть выпекавшегося хлеба. Добавляемые в «кашицу» дуранда и мука произво-

* Окончание. Начало в № 6 (58), 2010.



Отец Яков Васильевич Кочнов.
Довоенная фотография

дились в другом цехе, куда пускали по особым пропускам.

Заводского обеда матери явно не хватало, но оставшиеся талоны оставляла нам. Было заметно, что мать слабела. С каждым днем она уходила раньше, а приходила позже. Придя домой, сразу же падала на кровать, не в силах раздеться. Когда рассказала нам о действительном своем состоянии, мы с сестрой решили оставлять ей ужин: кипяток из снега, маленький кусочек хлеба, кроху эрзац-шоколада (помощь Америки), иногда выдаваемого на детскую карточку, и немного теплого рассола. Сами же рассол не употребляли, поскольку осталось его совсем мало. Потом стали делить на троих все, что приносила сестра из магазина, но и этого было мало для восстановления ее сил. Она слабела с каждым днем. Оказавшись в этих условиях, мы были обречены на смерть.

Нашему спасению способствовала так же и жена дядюшки, которая тайком от бабушки иногда давала нам что-нибудь из съестного в крайне тяжелый для нас период. После случая отравления младшей тетки «комбижиром», съеденным ею больше, чем следовало, она уговорила бабушку оказывать нам помощь, когда не выдавали продуктов на карточки. Бабушка стала оказывать нам помощь, но на обмен на вещи. Вряд ли одобряла это жена дядюшки.

Как-то после помывки своей семьи бабушка предложила помыться

и нам, благо осталась горячая вода. В их комнате было тепло и, как сказала бабушка, пахло жильем. Когда она увидела мать и сестру обнаженными, откровенно и сочувственно удивилась их худобе. Когда мыла меня, высказала опасение, что «рассыплюсь на косточки». «Его, — сказала она, — страшно поднимать: он весь растягивается».

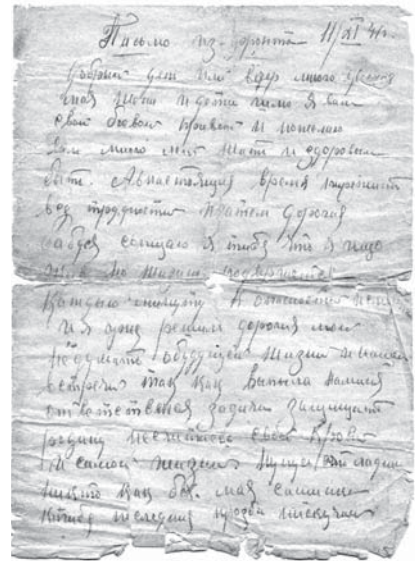
В конце декабря мать перешла на работу в милицию, находившуюся ближе к дому, чем хлебозавод. Там она должна была получать и доставлять на санках продукты и варить пищу для милиционеров. Продукты выдавались где-то в городе, поэтому для охраны, помощи и контроля назначались дежурные по пищеблоку. Иногда выдавали продукты на два дня. Тогда мать оставалась на ночь в милиции, закрывалась в кладовке, где хранились продукты, которые охраняли снаружи дежурные милиционеры. За продукты отвечала мать.

Однажды при проверке привезенных продуктов не досчитались одной буханки хлеба. По законам того времени матери грозило суровое наказание. Один из охранников подтвердил верность получения хлеба и невозможность похищения буханки матерью. При обыске другого охранника обнаружили в его карманах хлебные крошки. После установления факта кражи им хлеба его судили на месте и приговорили к расстрелу (приговор исполнили на месте). Мать наказали штрафом: вырезали хлебные талоны на вес украденного хлеба.

Этот случай, рассказанный матерью, запомнился мне не только из-за переживаний за нее и его финала, но и за проявленную чуткость суровых полуголодных людей, принявших решение не лишать мать права кормиться из общего котла, не вырезая талоны из ее продовольственной карточки. Эта помощь из «общего котла» существенно компенсировала нехватку хлеба и тем самым способствовала сохранению возможности нашего выживания.

К концу года стали чаще и продолжительнее перерывы выдачи продуктов и хлеба, из-за чего резко возросла смертность. Это привело к развитию людоедства.

В рассказах матери об известных ей случаях людоедства уже не было ужаса и возмущения. Придя



Последнее фронтовое
письмо отца

домой, она теперь спокойно говорила, что видела как какой-то человек что-то делал с трупом, лежавшим на дороге. Ее это пугало, но не удивляло.

Как-то к нам пришла женщина, жившая в доме напротив. Вечерами из этого дома доносился стук, похожий на колку дров. Раньше она к нам не приходила и не была в дружбе с матерью. Беседа была не долгой, а в конце она пригласила мать в гости, обещая угостить «залитым из человечьих мозгов». При этом сочувственно сетовала, что из-за отсутствия на трупах мяса приходится вырезать у «мужиков яйца». Говоря, она произнесла фразу, характеризующую упитанность человека: «не годен на тефтели» (эта фраза была в ходу и после войны, особенно у ребят). Эта соседка, а позже и девочка Лена П., пришедшая к нам из другого соседнего дома, сказала, что многие жильцы соседних домов едят человечину и не только от уже умерших.

С Леной я был дружен до войны, мы ходили друг к другу в гости. Наши матери были знакомы. Ее отец был главным инженером завода. У них была большая овчарка Рекс. Ее мать умерла от голода. Отец погиб на фронте. К моменту прихода к нам она жила с двумя братьями старше ее. Как-то, случайно, она услышала разговор братьев, из которого поняла, что они собираются убить ее. Зная, что они «людоедничают» вместе с соседями, убежала из дома.



Тетя Тоня, сестра матери со своим сыном

Пришла к нам с целью упротить мою мать оставить ее у нас. Мать, не имея возможности получить ее продовольственные карточки и боясь ее братьев, соседей и саму Лену, устроила ее в детдом.

После этих случаев мать стала наказывать нам лучше запирать двери и никому их не открывать. И не зря. Та же женщина несколько раз приходила к нам, когда матери не было дома. Она просила открыть дверь для передачи нам записки от матери, или письма от отца (мы уже знали о его гибели), или повидать Лену, бывшую уже в детдоме.

С приходом 1942 года мы ждали больших изменений на фронтах и в городе. Но начало его осталось жестоким: голод, бомбежки и обстрелы убивали и разрушали. По радио передавали, что на фронтах под Ленинградом «без существенных изменений». Однако ходили слухи о возможном наступлении немцев. Тем не менее снабжение продуктов улучшалось, нормы, хотя и медленно, увеличивались.

Ближе к весне стали забирать людей, занимавшихся людоедством. Говорили, что их увозят далеко в тыл для поселения в специальных лагерях, так как они считались опасными и в условиях мирной жизни.

Приход весны радовал всех: тепло, светло, ждали появления травы, все чаще слышалась работа «Катюши», на которую возлагались

большие надежды. Поговаривали о подготовке к наступлению наших, с чем увязывали конец блокады. Однако бомбежки стали чаще и массивнее, особенно нашей (северной) окраины, где были сосредоточены военные объекты.

Как-то весной мать взяла меня в город. В тот период милиция, гражданские службы и, очевидно, просто люди производили очистку улиц, дворов и квартир от мусора, завалов и трупов.

Особое место в моей памяти занимает сбор и вывоз трупов. Два-три человека тащили труп волоком. С верхних этажей их сбрасывали из окна, пытаясь попасть в кузов машины, стоявшей у стены дома под окном. Машины нагружали трупами навалом, из-за чего руки, ноги и головы свисали через борта и торчали в разные стороны. Ехали эти машины по улицам с незакрытым кузовом.

Много лет после войны машина с откидным кузовом, нагруженным тушами забитого скота, вызывала воспоминание о том времени и тошноту. Тогда же все виденное мною воспринималось совершенно спокойно, а может быть, даже шутливо.

Эвакуация воспринимается мною самостоятельной (автономной) частью моей жизни.

В марте-апреле 1942 года организация, в которой мать работала,

была направлена вглубь страны. Матери предложили выехать из Ленинграда вместе с ними, но она отказалась, считая, что страшнее пережитого зимой быть ничего не может. А обстановка в городе оставалась весьма напряженной: усиление бомбежек нашей зоны пригорода служило поводом для разговоров о подготовке немцев к наступлению с финской стороны; потепление усиливало опасность вспышки эпидемии, что привело к росту смертности, которая и без того оставалась довольно большой; ухудшились условия доставки продовольствия в город, так как шли последние дни работы ледовой дороги через Ладожское озеро. Из-за этих (возможно, и других) причин проводилась агитация по поводу эвакуации. Не знаю, испугалась ли мать возможных новых трудностей и, поддавшись страху, соответственно отреагировала на агитацию, или было указание вывезти из города лишних (неработающих) людей, но в апреле ей вручили эваколисток. В назначенный день пришла машина, нас и приготовленные узлы погрузили и доставили на Финляндский вокзал, точнее, на первую платформу вокзала.

На вокзале и перронах былолюдно. Люди с узлами, мешками и чемоданами шли на посадку в товарные вагоны, стоявшие по обе стороны второй платформы. Шли медленно, некоторых вели под руки.

Мать, сказав, чтобы мы сели на наши узлы, пошла узнать, что нужно делать. Вскоре вернулась с женщиной и тележкой. Одежда женщины, ее разъяснения в виде указаний и помощь в погрузке узлов на тележку говорили о ее причастности к организации отправки эвакуируемых. Когда она привела нас на вторую платформу, один из эшелонов тронулся в путь. Оказалось, что это тот, на котором должны были ехать и мы. С ее помощью нас посадили в стоявший поезд в единственный пассажирский вагон, чему я весьма обрадовался. В вагоне уступили мне место у окна. Это меня тоже порадовало. Наш поезд отправился, когда уже смеркалось. Некоторое время я смотрел в окно, но вскоре заснул.

Разбудила меня тишина. Поезд стоял. Люди тихо разговаривали, а некоторые спали. За окном было темно.

Постепенно шум в вагоне стал нарастать. Просыпавшиеся включались в разговор. Возрастали тревога и напряженность, потому что боялись возможной бомбежки. Когда поезд тронулся, шум стал утихать. Поезд двигался, но очень медленно: вот-вот остановится. Через некоторое время возник какой-то мне непонятный гул, потом отдельные выкрики, доносившиеся с улицы. Пассажиры стали группироваться у окон, всматриваясь в темноту. Нарастающий гул усиливал тревогу. Вскоре и в нашем вагоне возник сплошной крик: стоящие у окон, перекрикиваясь друг с другом, сообщали об увиденном.

Я тоже смотрел в окно. Какое-то время видел только маленькие и большие костры. Потом, на фоне костров, хаотично лежавшие товарные вагоны. По мере привыкания глаз к темноте все отчетливее видел то, о чем кричали в вагоне.

Многие лежавшие вагоны были сильно повреждены, некоторые из них горели. Среди них и на них суетились люди в военной форме. Одни тушили огонь, поливая из ведер, другие что-то вытаскивали из вагонов. Недалеко от вагонов лежали сплошными рядами и отдельными кучами вещи и тела людей.

Вокруг – черной стеной лес. Пространство между лесом и насыпью было залито водой, отражавшей блики костров. На поверхности воды выделялись черные пятна кочек.

Поезд шел медленно, но не останавливаясь.

Когда проехали то место, пассажиры стали делиться мнениями. Выяснилось, что подобное было и на другой стороне пути. Предполагали, что разбит поезд, отправленный перед нами, на который мы опоздали. Это предположение подтвердилось, когда мы приехали на конечную станцию – Ваганово, или Ладожское озеро.

Приехали под утро. Было темно, однако люди стали выходить, унося свои вещи. Вышли и мы. Когда я осмотрелся, увидел, что из соседнего товарного вагона люди вылезали прямо в воду. Водой была покрыта вся видимая часть территории. Все шли вдоль пути по ходу поезда.

Мы стояли, боясь сойти с сухого места. Было холодно. Моросил мелкий дождь. Пахло водой и пре-

лостью. Долго ли мы простояли, не знаю, но сильно продрогли. Боясь, что мы простудимся, мать решила идти. К тому времени дождь уменьшился, а темнота маленько рассеялась (или глаза привыкли к темноте). Стало видно дальше.

Люди шли, согнувшись под тяжестью ноши, стараясь переступить с кочки на кочку. Некоторые, потеряв равновесие или силы, роняли ношу. Пытаясь вытащить ее из воды, сами падали рядом с ней. Пытались подняться. Кому это удавалось, шел вперед прямо в воде, оставив ношу. Таких было много. Мы шли с большим трудом. Я не видел, чтобы кто-то кому-то помогал.

Мы, нагруженные узлами, шли по откосу насыпи. Идти было очень трудно и скользко, из-за чего часто падали, но спуститься вниз боялись: могли оказаться в воде. Места, где вода подходила к рельсам, переходили по кочкам, помогая друг другу. Пройдя последний вагон, пошли по шпалам, как и многие. Пока шли, почти совсем рассвело. Впереди нас шло много людей. Как мне казалось, все шли в неизвестность. Мать, увидев сухое место, решила остановиться для отдыха и выяснения нашего состояния и дальнейших действий. Немного отдохнув, она ушла на «разведку», посоветовав нам не сидеть долго, а двигаться.

Отдохнув от ходьбы, почувствовал, что хочу есть, но, понимая, что взять еду нигде, помалкивал. Однако мысль о возможности поесть меня не покидала, так как нам говорили, что будут кормить в пути. Я ждал мать и еду.

Было тихо: ни стрельбы, ни гула самолетов и машин. Вскоре пошел густой мокрый снег. Стало темнее. Окрестность просматривалась смутно. Вокруг нас – редкий сосновый лес. Вдоль железной дороги – разбитые и горелые вагоны. На фоне черной поверхности воды – люди, шедшие медленно, согнувшись, перешагивая с кочки на кочку, или где как. Многие несли узлы, мешки и чемоданы или тащили волоком. Некоторые шли налегке, иногда падая на кочку или в воду.

Все запомнилось мне это потому, что, во-первых, старался увидеть мать, боясь, что она не найдет нас; во-вторых, те места были для меня пугающей «чужбиной»; в-третьих, угнетала непривычная тишина,

которую, как мне казалось, не нарушали даже люди; шли тихо, а если говорили, то как будто шепотом.

Мать пришла. Взяв вещи, мы пошли в сторону, куда шли все, стараясь наступать на уже затоптанные кочки. Усилившийся шум машин возвещал о приближении к озеру. Вышли на свободное пространство. Там было очень много людей. Вновь пришедшие занимали сухие места, укладывая на них свои вещи. Кто-то сказал, что нужно сидеть и ждать своей очереди отправиться на ту сторону: «Придет машина и заберет». Сели и мы.

Дул пронзительный холодный ветер, из-за чего стало холоднее. Мелкий моросящий дождь сменил мокрый снег. Мать укрыла меня и сестру одеялом, предупредив, чтобы не заснули.

Некоторые люди куда-то уходили, а вернувшись, уводили своих и уносили вещи. Мать тоже ушла. Я стал осматривать новую местность. Плохая видимость ограничивала обзорность.

Вокруг нас были видны кучи из вещей, на которых сидели или лежали люди, укутанные, как и мы, в одеяло или во что-то. Казалось, они спят.

Когда пришла мать, мы тоже отправились в путь. К тому времени дождь существенно ослабел. Стало светлее. Оказалось, что куч было очень много. Некоторые из них были покрыты старым обледенелым снегом, однако и на них сидели и лежали укутанные во что-то люди. В разных местах валялись узлы, мешки, трупы. Все, что лежало в воде, выглядело кочками.

Какая была организация отправки на ту сторону, не знаю. Теперь полагаю, что каждый сам искал возможность уехать.

Машин было много и на берегу, и на озере. На берегу они буксовали, рыча моторами. На озере медленно «плыли», погрузившись в воду по кузов.

Только днем удалось матери остановить машину. Водитель, спросив много ли вещей, выпрыгнул из кабины, побросал в кузов узлы, посадил туда же нас и, предупредив, что машина «больна», из-за чего возможна задержка в пути, поехал. Отсутствие дверей кабины я принял за ее болезнь. Немного проехав, машина остановилась. Выпрыгнув

из кабины, водитель посадил еще двоих: старушку и старичка.

Съехав с берега, машина погрузилась в воду. «Плыли» медленно, как и машины, «плывшие» впереди. Отъехав от берега подальше, машина пошла быстрее, но стала чаще останавливаться из-за заторов, образовывавшихся в местах переезда полыней и трещин во льду, через которые были положены щиты из досок, прогибавшихся под машиной. Видя, как кромка льдины погружается глубже под воду, когда машина наезжает на щит или съезжает с него, становилось неприятно и жутковато. Около таких мест стояли военные – мужчины и женщины. Я определил, что женщин было больше. Некоторые из них подгоняли водителей окриками: «Давай! Давай! Быстрее!», добавляя матерные слова. Это усиливало напряженность. При остановках на местах, где слой воды над льдом был невысоким, водитель выходил из кабины и заговаривал с матерью. Беседуя, он высказывал сомнения, что удастся добраться до берега к вечеру и что «он» этой ночью не будет бомбить, основываясь «слишком спокойным днем».

Во время движения мать заговаривала со «старушкой», оказавшейся матерью «старичка». Сама «старушка» была не старше моей матери, а «старичок» – ровесник моей сестры.

Стало смеркаться. Водители всех машин включали фары, закрытые так, что луч узкой горизонтальной полосой направлялся вниз перед машиной. Отраженный поверхностью воды свет соединял бесконечную колонну в единый поток. Слева от нас виднелся такой же поток, но движущийся в обратном направлении.

Ожидание бомбежки или обстрела возбуждало нервозную напряженность. И это свершилось: стали постреливать. Снаряды падали с недолетом и перелетом от трассы, ломая лед. Застрочили зенитные пулеметы, установленные вдоль трассы. Не останавливая машину, водитель спросил у военного: «Налет?» Тот женским голосом ответил: «Рама!» – «Ну, это ничего, может, проскочим!» – спокойно крикнул водитель нам. И действительно, скоро стихло. При очередной остановке водитель объяснил матери, что «он» стрелял по льду, чтобы образовались трещины около трассы.

Я, согревшись в одеяле, заснул. Что меня разбудило, не знаю. Наша машина стояла. Посмотрев из-за кабины, увидел: перед нами грузовик с людьми в кузове, а перед ним автобус, и дверей и окон которого вылезали люди, падая в воду. Как мне показалось, они молчали, а помогавшие им военные кричали, поторапливая застрявших. В свете фар этого автобуса был виден другой автобус, стоявший под наклоном вперед. Из окон свисали наполовину люди, высовывались руки и головы. Им никто не помогал. Все больше наклоняясь, автобус медленно погружался в воду, когда он полностью ушел под воду, кромка льда поднялась, закрыв вход в пучину.

Водитель сказал, что после обстрела льдины пришли в движение, из-за чего образовались широкие трещины и большие полыни.

По наведенному из щитов «мосту» переехали полынью, только что поглотившую автобус с людьми.

Когда водитель известил нас о подходе к берегу, сумерки стусились почти до полной темноты.

Приехали в Кобону почти ночью, однако шум моторов и многоголосье указывали, что здесь кипит жизнь. Водитель помог нам сойти с машины, снял вещи и пошел под погрузку.

Из темноты донесся призыв: «Кто с детьми, заходите в барак!» Вошли. В нос ударил острый неприятный запах. Тусклый свет от фонаря «летучая мышь» освещал часть большого помещения. На полу лежали люди, прижавшись друг к другу. Вновь приехавшие устраивались где. Кое-как разместились и мы. Уставшие люди быстро умолкали. Воцарилась мертвая тишина. Я заснул.

Утром нас разбудила мать. Она уже получила двухдневный паек: настоящий хлеб и кашу из настоящей крупы.

Некоторые уже ели, но многие еще лежали.

Вскоре пришли военные и потребовали освободить барак. Кто не спал, потянулись к выходу, унося вещи. Однако многие продолжали лежать. Я попытался разбудить человека, рядом с которым спал, прижавшись к нему спиной, но он не просыпался. Мать велела оставить его в покое. Мы вышли на улицу.



Похоронка

Вокруг барака, бывшего когда-то скотником, былолюдно и шумно. Везде, в пределах видимости, бродили и сидели на вещах люди, ждавшие отправки. В нескольких местах возвышались кучи из вещей и трупов. Те, которые выносили из барака, складывали недалеко от него, как дрова в поленнице.

Мы, расположившись на своих вещах недалеко от барака, стали есть. Хотелось съесть все сразу, но мать не позволила, так как было опасно: возможен «разрыв» кишок.

Подальше от барака, на фоне облачного неба, были видны огромные штабеля мешков, тюков и ящиков. Раньше приехавшие говорили, что это продукты и боеприпасы, направляемые в Ленинград.

К вечеру подали поезд с товарными вагонами. При посадке ограничивали количество багажа, но не сильно истощенные грузили вещей больше, чем разрешалось, выдавая излишки за чей-то багаж.

Они занимали лучшие места: нары у «буржуйки». Вагоны заполнялись так, что на полу не было свободного места. Все сидели на своих вещах. Занявшим нары было весьма затруднительно сойти с них.

Первую ночь ехали долго и удачно: нас не бомбили. Только днем над нами кружил чей-то самолет. К вечеру подъехали к какой-то станции, которую только что бомбили. Что было разбито, не знаю, но очень пахло горелым и еще чем-то. Там остановка была кратковременной без права выхода из вагонов, хотя раньше было сказано, что на этой станции будут выдавать пищу.

Этот случай стал последним фактом разрушений войной.

Все пассажиры выражали радость такому везению.

Однако повезло не всем: при каждой остановке по вагонам хо-



Удостоверение

дили женщины в военной форме и выносили трупы, складывая их у вагонов штабелями. Трупы, как мне казалось, были плоскими. Первые дни пути я не реагировал на штабеля трупов, но по мере отъедания вид их вызывал тошноту. Через несколько дней в вагоне стало свободно, а норма выдаваемой пищи существенно увеличилась.

Вспоминая о трупах и бомбежках, как-то неудобно было говорить о картошке. Однако эта «мелочь» оставила в моей памяти весьма значительное ощущение. Овощи, особенно картошка, долгое время были мечтой. И вот, к великой нашей радости, матери удалось выменять три картошины (на большее не было возможности). Варить их было не в чем, поэтому мы резали их тоненькими ломтиками и жарили на стенке буржуйки, к которой стал доступ. Хотя жарили без жира и соли, ели без хлеба и соли, но вкус был непередаваемый. Ни до, ни после я не испытывал большего удовольствия при еде даже очень вкусных продуктов.

Проехав около трех недель, мы оказались в глубоком тылу – в Ярославской области.

В поезде поговаривали об эпидемии дизентерии, случаи заболевания которой были и в нашем вагоне. Боясь болезни, мать решила сойти в городе Данилове, ставшем нашей первой «чужбиной».

А поезд ушел дальше. Говорили, на Урал, а может быть, и дальше, если было, кого везти.

В Ленинград я возвращался дважды.

Ранней весной 1943 года в городе Кашине (Калининская область) проводилась вербовка в Ленинград для восстановления Кировского завода. Мать завербовалась. В момент отправления поезда я тайком от матери спрятался под сиденьем между вещами. Когда вылез, поезд был уже далеко от Кашина. В моменты обхода прятался. Пассажиры не выдавали. Так и доехал до Ленинграда.

Хорошо помню проезд по временной дороге через Синявинские болота, где с поездом (вернее, с паровозом) случилось ЧП, закончившееся благополучно.

Осенью, когда я учился в третьем классе школы, находившейся на улице Комсомола, матери было приказано выехать из Ленинграда.

Весной 1944 года мать получила вызов от треста столовых Выборгского района, благодаря чему вернулась в Ленинград навсегда.

В те времена и много лет спустя при разговорах, в поликлиниках, больницах, школах и прочих местах называли блокадниками только тех, кто пережил зиму 1941–1942 годов. На это никто не обижался.

